

DOI: 10.48015/2076-7404-2023-15-4-61-83

Научная статья / Research paper

М.А. Кучеров, М.В. Харкевич*

**«НАРОДНАЯ СЕКЬЮРИТИЗАЦИЯ»:
ВИЗУАЛЬНЫЙ ПОВОРОТ
В ИССЛЕДОВАНИЯХ БЕЗОПАСНОСТИ****

*Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный институт международных отношений
(университет)*

*Министерства иностранных дел Российской Федерации»
119454, Москва, пр-т Вернадского, 76*

В цифровой век изображения проникли практически во все сферы общественной жизни и политики. Международные отношения не стали исключением. Исследователи не могли не обратить внимание на визуальное измерение мировой политики, что стимулировало формирование так называемого визуального поворота в теории международных отношений, прежде всего в рамках конструктивизма. Затронул он и одну из центральных и наиболее популярных конструктивистских теорий — теорию секьюритизации. В первой части статьи представлен критический анализ феномена визуального поворота в теории международных отношений. Во второй части проанализировано современное состояние теории секьюритизации. В третьей части на примере резонансной публикации фотографии погибшего в 2015 г. при попытке иммигрировать в Европу сирийского мальчика-мигранта Айлана Курди выявлены ключевые особенности и перспективы применения подобного подхода к изучению международных отношений. В четвертом разделе рассмотрены некоторые ограничения теории визуальной секьюритизации. Авторы приходят к выводу, что визуальный поворот привел к своеобразной демократизации процессов

* Кучеров Максим Андреевич — аналитик Центра перспективных американских исследований Института международных исследований МГИМО МИД РФ (e-mail: kucherov_m_a@my.mgimo.ru; ORCID: 0009-0008-3373-1682); Харкевич Максим Владимирович — кандидат политических наук, доцент кафедры мировых политических процессов МГИМО МИД России (e-mail: m.kharkevich@inno.mgimo.ru; ORCID: 0000-0001-9476-9694).

** Публикация подготовлена при поддержке Программы развития МГИМО «Приоритет-2030».

секьюритизации, открыв новые возможности для «секьюритизации снизу», или «народной секьюритизации». Тем самым рассматриваемый феномен ставит под сомнение традиционную монополию политических элит на формирование нарратива в области безопасности. Одновременно визуальный поворот расширяет список возможных референтных объектов секьюритизации, который начинает включать не только аудиторию внутри страны, но и другие сообщества. В то же время визуальная секьюритизация оказывается сопряжена и с целым рядом новых проблем. Изображение представляет гораздо больший простор для интерпретации, чем традиционный «речевой акт», что может негативно сказаться на его способности передать аудитории конкретное сообщение. Возможность неоднозначной трактовки предъявляет повышенные требования к коммуникативному контексту и ограничивает использование визуального образа в качестве самостоятельного инструмента секьюритизации. Ключом к преодолению этих трудностей, по мнению авторов, может стать более активное применение технологий искусственного интеллекта и социальных сетей.

Ключевые слова: международная безопасность, секьюритизация, «народная секьюритизация», цифровизация, визуальный поворот, исследования безопасности, стратегическая коммуникация, конструктивизм, Айлан Курди, постправда, социальные сети, символическая политика

Для цитирования: Кучеров М.А., Харкевич М.В. «Народная секьюритизация»: визуальный поворот в исследованиях безопасности // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2023. Т. 15. № 4. С. 61–83. DOI: 10.48015/2076-7404-2023-15-4-61-83.

Maxim A. Kucherov, Maxim V. Kharkevich

**‘BOTTOM-UP SECURITIZATION’:
A VISUAL TURN IN SECURITY STUDIES**

*Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454*

In the digital age, images have pervaded almost all spheres of public life and politics. International relations are no exception. The visual dimension of world politics attracts increasing attention which resulted in the emergence of the so-called visual turn in the theory of international relations. It gained particular prominence within the framework of constructivism and particularly within one

of the central and most widespread constructivist theories, i.e. the securitization theory. The first section of the paper examines the concept of 'visual turn'. The second section considers the current state of art of the securitization theory. The third section outlines key features and possible implications of 'visual securitization' to the study of international relations. To this end, the authors refer to a resonant case of a Syrian migrant boy Aylan Kurdi, who died in 2015 while trying to immigrate to Europe. The fourth section examines some limitations of the 'visual securitization' theory. The authors conclude that the 'visual turn' has led to a certain democratization of securitization practices by opening up new opportunities for the 'bottom-up securitization', or 'people's securitization'. Thus, it questions the traditional monopoly of political elites on the molding of a security narrative. At the same time, the 'visual turn' extends the list of possible reference objects of securitization, which comes to include not only domestic audiences, but also other communities. As a result, 'visual securitization' raises a number of new issues. In contrast to a traditional 'speech act', an image can be open to various interpretations and as such would make the process of interaction with the audience too complicated and inconsistent. The possibility of incorrect interpretation places increased demands on the communicative context and hinders the use of an image as an independent securitization tool. The authors argue that the key to addressing these issues lies in a more active use of artificial intelligence technologies and social networks.

Keywords: international security, securitization, people's securitization, digitalization, visual turn, security studies, strategic communication, constructivism, Alan Kurdi, post-truth, social networks, symbolic politics

About the authors: *Maxim A. Kucherov* — Expert of the Center for Advanced American Studies, Institute for International Studies, MGIMO University (e-mail: kucherov_m_a@my.mgimo.ru; ORCID: 0009-0008-3373-1682); *Maxim V. Kharkevich* — PhD (Political Science), Associate Professor, Department of World Politics, MGIMO University (e-mail: m.kharkevich@inno.mgimo.ru; ORCID: 0000-0001-9476-9694).

Acknowledgements: The publication is supported by the MGIMO University 'Priority-2030' program.

For citation: Kucherov M.A., Kharkevich M.V. 2023. 'Bottom-up securitization': A visual turn in security studies. *Lomonosov World Politics Journal*, vol. 15, no. 4, pp. 61-83. DOI: 10.48015/2076-7404-2023-15-4-61-83. (In Russ.)

В цифровой век изображения проникли практически во все сферы общественной жизни и политики. Международные отношения не стали исключением. Исследователи не могли не обратить внимание на визуальное измерение мировой политики, что стимулировало формирование так называемого визуального поворота в теории международных отношений, прежде всего в рамках конструктивизма. Как таковой визуальный поворот способствует дальнейшему уточнению основных концептов конструктивизма, обнаруживая визуальную составляющую в описываемых ими феноменах. В целом к настоящему моменту визуальный поворот затронул такие концепты и теории, как критическая геополитика [Campbell, 2007; Observant sates..., 2010], политическая антропология [Mitchel, 2014], стратегический нарратив [Wright, Rosamond, 2021], акторность социальных групп [Wilson, 2011] и др. Затронул он и одну из центральных и наиболее популярных конструктивистских теорий — теорию секьюритизации. В данной работе мы постараемся показать и оценить влияние визуального поворота на исследования безопасности. Особого внимания заслуживает в этом контексте существенное расширение предметного поля теории секьюритизации по сравнению с предложениями Копенгагенской школы за счет включения в него акторов, у которых нет авторитетного «голоса» и доступа к влиятельным медиаресурсам для убедительного «речевого акта». Визуальный поворот предоставляет тем самым аналитический инструментарий для изучения процессов секьюритизации, идущих «снизу». В качестве примера такой визуальной секьюритизации *bottom-up* в статье анализируется кейс, связанный с публикацией в 2015 г. фотографии тела мертвого сирийского мигранта, мальчика Айлана Курди, в западных СМИ.

В первой части статьи рассмотрены история появления и некоторые специфические черты феномена визуального поворота в теории международных отношений. Во второй части дан краткий обзор современного состояния теории секьюритизации. В третьей на примере резонансной публикации фотографии Айлана Курди выявлены возможности и перспективы приложения принципов визуального поворота к теории секьюритизации. Наконец, в четвертом разделе рассмотрены некоторые ограничения, связанные с использованием принципов визуальной секьюритизации в исследованиях международных отношений.

Визуальный поворот в теории международных отношений

Термин «визуальный поворот» был введен в научный оборот по аналогии с лингвистическим поворотом, который был предложен Р. Рорти для обозначения одной из характерных черт развития философии в XX в. [Беззубова, 2016: 14]. Американский философ рассматривал эволюцию европейской мысли как переход от изучения вещей к изучению идей и концептов, а затем — к изучению самого языка [Рорти, 1997: 194]. Эти переходы, «повороты», представляют собой ряд революционных переосмыслений, определяющих новый вектор развития дисциплины. Так, с 1970-х годов социогуманитарные науки начали претерпевать визуальный поворот, который выразился в резком росте публикаций, организованных конференций, образовательных программ по тематике изображений и их роли в современном мире [Беззубова, 2016: 14]. Провозгласил наступление визуального, или изобразительного (пикторального) поворота Т. Митчелл в 1994 г., заявив, что мы живем «в культуре, в которой доминируют картинки, визуальные симуляции, стереотипы, иллюзии, копии, репродукции, имитации и фантазии» [Mitchell, 1994: 2].

Визуальный поворот в рамках теории международных отношений во многом объясняется технологическими изменениями, которые трансформируют мир современной политики. Медиаплатформы, такие как Twitter, YouTube, Facebook, уже стали новыми политическими аренами, играя важнейшую роль по всему политическому спектру: от инструмента вербовки, проводимой террористическими организациями, до площадки для кампаний социальной справедливости [Visual global politics, 2018]. Визуальный контент присутствует в них в разной степени, но все они используются для его распространения, так как являются наиболее массовыми и популярными среди политизированной общественности. Подобный феномен не мог остаться без внимания со стороны научного сообщества, которое занялось изучением визуального поворота.

Исследования в данном направлении проводятся в самых различных сферах и охватывают как всё визуальное измерение теории международных отношений, так и отдельные его компоненты. Примером первого подхода может служить книга У. Каллахана «Sensible Politics» [Callahan, 2020] или проект «Визуальные международные отношения» М. Пфоннера и П. Джеймса [Pfonner, James, 2019]. Что касается изучения конкретных явлений, то обращают на себя вни-

мание исследования влияния кинематографа на восприятие войны в обществе С. Филпотта [Philpott, 2010], карт как социального конструкта Дж. О'Тоала [Ó Tuathail, 1996], видения поля боя с высоты беспилотников К. Грейсона и Дж. Моудсли [Grayson, Mawdsley, 2018] и другие работы по смежной проблематике [см., например: Bleiker et al., 2013]. Кроме того, визуальное измерение проникло в уже существующие теории, определив новый вектор их развития [Baele, Bettiza, 2021].

Наиболее подверженными визуальному повороту оказались различные исследовательские программы внутри социального конструктивизма, что неудивительно, поскольку в центре его внимания традиционно находятся вопросы восприятия и коммуникации, претерпевшие кардинальную трансформацию в условиях резкого ускорения обработки информации, роста перегруженности информационного поля и, как следствие, повышения роли изображения и появления так называемой клиповой культуры. Это справедливо и для современных исследований безопасности в русле конструктивизма, которые часто включают изучение особенностей восприятия. В результате родилось направление визуальных исследований безопасности¹, в рамках которого возник центральный для данной работы концепт «визуальной секьюритизации».

Теория секьюритизации и визуальные исследования в области безопасности

Теория секьюритизации была разработана представителями Копенгагенской школы международных отношений Б. Бузаном, О. Вевером² и Я. де Вильде в конце XX в. [Buzan et al., 1998]. В настоящий момент указанная теория является одной из наиболее динамично развивающихся не только в рамках исследований безопасности, но и в международно-политической науке в целом. При этом нельзя не отметить, что развитие данного концепта связано с его критикой, в том числе со стороны Парижской и Уэльской школ изучения безопасности. Однако, как отмечает М. Уильямс, разнообразная

¹ Различные подходы к изучению визуального измерения безопасности можно найти в работе Р. Блейкера: [Visual global politics, 2018].

² Датская фамилия Wæver в данной работе была переведена как Вевер согласно правилам датско-русской практической транскрипции. При этом стоит отметить, что в других русскоязычных трудах существуют иные варианты написания данной фамилии: Вэйвер, Вэвер, Уивер, Уэвер.

критика исследовательской программы Копенгагенской школы свидетельствует скорее о ее жизнеспособности [Williams, 2003].

В понимании представителей Копенгагенской школы, секьюритизация — это процесс, в котором секьюритизирующий актор (как правило, обладающий властью, например политические элиты/руководство страны) публично заявляет, что конкретный вопрос/процесс/другой актор (объект секьюритизации) представляет собой экзистенциальную угрозу для референтного объекта. В роли последнего обычно выступает аудитория, к которой актор со своим заявлением обращается [Buzan et al., 1998: 23–26]. Целью секьюритизации является одобрение аудиторией предлагаемых секьюритизирующим актором чрезвычайных мер для устранения заявленной угрозы [Тамбовцева, 2017: 186].

Сам процесс секьюритизации, по мнению представителей Копенгагенской школы, представляет собой перформативный речевой акт [Buzan et al., 1998: 26]. В этом смысле они опираются на теорию речевого акта Дж. Остина, который в свою очередь вдохновлялся теорией языковых игр Л. Витгенштейна³. Дж. Остин отказывался разделять высказывания (которые обретают свои значения в процессе речевого акта) на истинные и ложные и вместо этого группировал их по цели произнесения. Описательные высказывания, т.е. передающие информацию об окружающем мире, философ-лингвист назвал констативными, а высказывания, не описывающие реальность, но создающие ее, — перформативными [Austin, 1962].

Различные компоненты оригинальной теории подвергались критике, главным образом из-за той роли, которую играет в ней речевой акт. С одной стороны, представители Копенгагенской школы специально решили выстроить свою теорию вокруг концепции «речевого акта», дабы придать ей большую методологическую четкость [Гайдаев, 2021: 24], с другой — тем самым они в некоторой степени заранее ограничили возможности ее инструментализации. В этом контексте критики, в частности, подчеркивают ограниченный характер форм репрезентации, видов секьюритизирующих акторов и аудиторий, подлежащих анализу в рамках исходной теории [McDonald, 2008: 569]. Хотя формально процесс секьюритизации полностью открыт

---

³ Якушина О. Теория секьюритизации в международных отношениях. Ч. 1 // Геополитика.ru. 06.08.2012. Доступ: <https://www.geopolitika.ru/article/teoriya-sekyuritizacii-v-mezhdunarodnyh-otnosheniyah-ch1> (дата обращения: 01.11.2023).

(любой субъект секьюритизации может попытаться секьюритизировать любую проблему/референтный объект), в реальности он ограничен способностью актора делать социально эффективные заявления, т.е. такие, которые дойдут до предполагаемой аудитории и будут ею приняты [Williams, 2003: 514]. Таким образом, согласно теории секьюритизации условия для удачного речевого акта делятся на две категории:

- 1) внутренние: связанные непосредственно с речью;
- 2) внешние: контекстуальные и социальные, т.е. условия, в которых должен находиться актор [Buzan et al., 1998: 32].

Вторая категория выдвигает определенные требования к актору, который должен не только звучать убедительно, но и обладать авторитетом, а также средствами для донесения своего сообщения. Таким образом, формально открытый процесс секьюритизации, сводясь, в трактовке Б. Бузана, О. Вевера и Я. де Вильде, к речевому акту, изначально ограничивает возможный круг секьюритизирующих акторов политическими элитами, имеющими доступ к средствам массовой информации и, как правило, доминирующими в дискурсе.

В современных условиях социальные сети потенциально дают возможность высказаться любому, у кого есть доступ в интернет: они стали площадкой для важных политических заявлений (свидетельством этого может служить, например, появление Твиттер-дипломатии). Таким образом, заметно расширяется круг тех, кто может попробовать донести сообщение до широкой аудитории. Это уже ставит под сомнение оправданность сведения акторов секьюритизации только к политическим элитам. Тем не менее возникает иная проблема: множество акторов генерируют огромное количество сообщений, которые сливаются в информационный шум. Например, в день публикуется более 762 млн твитов (примерно 8817 в секунду⁴). Сообщение, содержащее попытку секьюритизации, может просто не дойти до целевой аудитории, затерявшись во множестве других. Кроме того, далеко не каждое высказывание способно произвести эффект, ведущий к секьюритизации. Здесь мы возвращаемся к внутренним условиям, т.е. качеству самой речи. Далекое не каждый неравнодушный к некоей проблеме способен создать что-то наподобие статьи «J'Accuse...!», написанной Э. Золя во время печально

---

⁴ Статистика Twitter за 2021 год // Affde. 12.03.2019. Доступ: <https://www.affde.com/ru/twitter-statistics-1.html> (дата обращения: 01.11.2023).

известного «Дела Дрейфуса». Всё это вновь выдвигает определенные требования к потенциальному секьюритизирующему актору, который должен умело пользоваться речью, а также иметь определенный авторитет (например, выраженный в количестве подписчиков, если речь идет о социальной сети). Круг возможных акторов, таким образом, вновь сужается.

Описанная выше связь концепта секьюритизации с развитием сферы коммуникаций обусловила появление еще одного направления критики исходных построений Копенгагенской школы. Политическая коммуникация в современном мире всё больше наполняется визуальными образами [Мирзоев, 2019: 12]. В связи с этим возникает сразу несколько вопросов, например: насколько успешно теория секьюритизации, в центре которой находится речевой акт, будет способна объяснять неречевые формы секьюритизации [Williams, 2003]; обладает ли изображение такими же перформативными возможностями? Эти вопросы оказались в центре внимания нового направления в исследованиях безопасности, связанного с попытками инкорпорирования изображения в теорию секьюритизации.

С точки зрения изучения особенностей перформативности изображения особую роль сыграли исследования фотографии как воспроизведения «куска реальности» [Shapiro, 1988], поскольку, в отличие от других форм изображения (например, карикатур, которые представляют собой симулякры реальных событий), в фотографии, на первый взгляд, авторская позиция не является преобладающей. С. Сонтаг писала, что фотографии — это не высказывания о мире, а скорее миниатюры реальности [Сонтаг, 2013: 14]. Важным, однако, представляется вопрос о социальном конструировании с помощью этих копий реального мира [Callahan, 2020: 21]. В данном контексте целесообразно оценивать не только непосредственно изображение, но и его общую композицию, а также то, что находится за кадром. Композиция фотографии, как утверждал А. Трахтенберг, носит политический характер, а видеоискатель представляет собой политический инструмент [Trachtenberg, 1989: 14]. Таким образом, фотограф способен сделать политическое высказывание, заложив определенный замысел в фотокомпозицию.

При этом фотографии способны обретать политический смысл и после того, как были сделаны. Так, Т. Олесен, рассуждая о фотографиях, отмечает, что они становятся политическими, когда превра-

щаются в символ [Olesen, 2018: 659], т.е. в объект, используемый для обозначения смыслов, которые не присущи самому объекту [Elder, Cobb, 1983: 28–29]. Представляя реальность «такой, какая она есть», фотография по факту оказывается лишена смысла [Taylor, 1998]. Однако по мере того, как фотография становится частью социальной коммуникации, ее смысловая пустота заполняется.

Таким образом, фотография может выступать в качестве инструментария секьюритизации. В аналогичных целях могут применяться и искусственно созданные изображения, в которые изначально оказывается заложен смысл, в том числе политический (например, карикатуры и агитационные плакаты).

Какие возможности дает визуальная секьюритизация? В первую очередь изображение способно оказать сильное воздействие на аудиторию [Hutchison, Bleiker, 2017], причем сделать это быстро, вовлекая ее и создавая у нее эмоциональную связь с проблемой. Это свойство Н. Мирзоев назвал «чувственной непосредственностью» (*sensual immediacy*) [Mirzoeff, 2008: 15]. Примером успешного использования визуального образа для секьюритизации может служить телетрансляция обрушения башен-близнецов в режиме реального времени 11 сентября 2001 г. [Callahan, 2020: 94]. Вызванные шокирующими кадрами эмоции сплотили американское общество, породили страх, что помогло администрации Дж. Буша-мл. практически без сопротивления осуществить вторжение в Афганистан и провести через Конгресс радикальные положения «Патриотического акта». Как показывает в своем исследовании Ф. Меллер, данные образы использовались и в дальнейшем, чтобы, апеллируя к коллективной памяти, продлить эффект секьюритизации [Möller, 2007], что демонстрирует еще одно возможное преимущество изображения — долговечность влияния.

Способность изображений вызывать разнообразные эмоции также расширяет перечень референтных объектов секьюритизации. С точки зрения представителей Копенгагенской школы, секьюритизация апеллирует к одной-единственной эмоции — страху за свое выживание. В случае применения речевого акта референтный объект, как правило, неотделим от аудитории (ее государства, идентичности). Использование визуальных образов позволяет дополнить спектр эмоций состраданием, заботой, жалостью и т.д. [Bleiker, Kay, 2007]. Благодаря этому расширяется список возможных объектов —

он начинает включать также угрозы «другим», т.е. такие угрозы, о которых «мы» должны беспокоиться, даже если непосредственно нам ничего не грозит. Возможность эффективной секьюритизации стороннего референтного объекта возникает благодаря способности изображения делать проблему более личной для отстраненной аудитории, что достигается через эффект соприсутствия [Visual global politics, 2018: 276].

Кроме того, использование изображения в качестве инструмента секьюритизации решает одну из ключевых проблем, связанную с отмеченной ранее ее имплицитной элитарностью. Визуальный поворот демократизирует секьюритизацию. Это обусловлено широкими возможностями для создания и использования визуальных образов в цифровую эпоху. Киберпространство и социальные сети дают обычным пользователям возможность высказаться, но в случае попытки секьюритизации через речевой акт всё еще сохраняются требования к убедительности данного высказывания и проблема преодоления информационного шума. Не каждый пользователь способен написать хороший текст, но при этом каждый может нажать на кнопку фотоаппарата в своем телефоне и затем загрузить полученное изображение в интернет. Визуальные образы, особенно те, что используются при секьюритизации, не зависят от авторитета их авторов. Они способны говорить сами за себя, а значит, неважно, кто именно разместил изображение. Особенно это касается фотографий, которые воспринимаются как «надежные свидетели». Благодаря своим свойствам изображения выделяются среди информационного шума. Актором визуальной секьюритизации становится не только человек, загрузивший изображение, но и те пользователи, которые распространяют заинтересовавшую их картинку, создавая тем самым множество ее цифровых копий. Способность изображения множиться и заполнять информационное пространство была обозначена Л. Хансен как «циркулируемость» [Hansen, 2011]. Копии не обязательно должны быть полностью идентичны исходному изображению, но они несут схожие посыл и эмоцию. Т. Олесен называет подобное скопление изображений, произошедших от одного исходного и объединенных одним сообщением, «кластером интернет-мемов» [Olesen, 2018: 660]. Циркулируемость позволяет изображению занимать большие объемы информационного пространства, охватывая всё большую аудиторию, и силами обычных

пользователей социальных сетей смещать СМИ на второй план. Таким образом, использование визуальных образов демократизирует секьюритизацию, оспаривая «снизу» монополию политических элит на создание конструкторов безопасности.

Стоит отметить, что в рамках теории секьюритизации изображение способно выступать не только в качестве инструмента. Л. Хансен на примере скандала с карикатурами на пророка Мухаммеда в 2005–2006 гг. показала, как визуальный образ может также быть объектом секьюритизации [Hansen, 2011]. Опубликованные датской газетой «Jyllands-Posten» карикатуры на пророка Мухаммеда вызвали серьезный межкультурный конфликт, когда практически весь арабский мир, а также мусульмане, проживающие в Европе, восприняли эти рисунки как угрозу своей идентичности (причиной конфликта стало то, что сам факт изображения пророка запрещается исламом, не говоря уже о его представлении в комическом ключе). Столкновение европейских принципов свободы слова и мусульманской культуры, а также сопутствующие ему политические события можно рассматривать с разных углов, но важным в данном случае является то, что само по себе изображение было секьюритизировано. Примечателен данный случай также тем, что он демонстрирует силу визуального образа. Как выразился Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан: «Инциденты, подобные созданию карикатуры на пророка или угрозе смерти художнику, который ее нарисовал, оказывают гораздо большее воздействие на народное воображение, чем праведные заявления министров иностранных дел и генеральных секретарей»⁵. Таким образом, визуальная секьюритизация расширяет также список возможных объектов, представляя само изображение в качестве возможной угрозы.

Кейс Айлана Курди

Примером использования изображения для секьюритизации «снизу» может стать публикация фотографии тела 3-летнего сирийского мальчика Айлана Курди во время миграционного кризиса в Европе в 2015 г. Погибший вместе со своей семьей при попытке не-

---

⁵ Statement by the Secretary-General at the opening session of the second meeting of the high-level group for the Alliance of Civilizations // United Nations. Secretary General. Available at: <https://www.un.org/sg/en/content/sg/statement/2006-02-26/statement-secretary-general-opening-session-second-meeting-high> (accessed: 05.11.2023).

легально пересечь Средиземное море ребенок стал далеко не первым беженцем, которого постигла подобная участь: только в апреле 2015 г. около 1000 человек утонули, пытаясь попасть в Европу [Olesen, 2018: 657]. Как отмечает Х. Хидженс, в начале 2015 г. была предпринята попытка секьюритизации бедственного положения мигрантов со стороны гуманитарных организаций, которая выражалась в призывах к европейским правительствам организовать поисково-спасательные операции, а также выработать легальный механизм приема беженцев, чтобы уменьшить использование рискованных нелегальных путей [Hintjens, 2019]. Однако европейские правительства проигнорировали призывы активистов. Вместе с тем и общественность относилась к беженцам с опаской, воспринимая их самих как угрозу, но опубликованная 2 сентября того же года в Twitter турецкой журналисткой фотография Айлана Курди вызвала моментальную реакцию, выразившуюся в волне сочувствия и призывах к действию. Например, пожертвования в организацию «The Migrant Offshore Aid Station», которая занималась спасением беженцев в Средиземном море, в следующие 24 часа после публикации фотографии мальчика выросли в 15 раз⁶. Давление на европейских политиков со стороны общественности также резко возросло (митинги, подача петиций, в том числе с миллионами подписей), что вынудило их действовать безотлагательно. Уже через 4 дня британский премьер-министр Д. Кэмерон выступил с заявлением, в котором пообещал принять 20 тысяч сирийских беженцев в следующие 5 лет⁷.

Что определило успешность второй попытки секьюритизации? Во-первых, фотография Айлана Курди быстро распространилась (в течение 12 часов после публикации она была ретвитнута более 30 000 раз, количество просмотров составило около 20 млн [The iconic image on social media..., 2015: 11–19]), охватив обширную аудиторию. Во-вторых, обладая сильным эмоциональным воздействием, изображение погибшего мальчика смогло преодолеть равнодушие

---

⁶ Elgot J. Charity behind migrant-rescue boats sees 15-fold rise in donations in 24 hours // The Guardian. 03.11.2015. Available at: <https://www.theguardian.com/world/2015/sep/03/charity-behind-migrant-rescue-boats-sees-15-fold-rise-in-donations-in-24-hours> (accessed: 05.11.2023).

⁷ Wintour P. UK to take up to 20,000 Syrian refugees over five years, David Cameron confirms // The Guardian. 07.09.2015. Available at: <https://www.theguardian.com/world/2015/sep/07/uk-will-accept-up-to-20000-syrian-refugees-david-cameron-confirms> (accessed: 05.11.2023).

аудитории. На тот момент гибель мигрантов ни для кого не была открытием, попытки привлечь к этому внимание политиков и общественности предпринимались неоднократно. Еще в ноябре 2014 г. папа римский заявил: «Мы не можем допустить, чтобы Средиземное море превратилось в большое кладбище мигрантов»⁸. Фотография же Айлана Курди сделала проблему более личной для аудитории и, следовательно, обеспечила успешность секьюритизации. Важно, на наш взгляд, упомянуть, что, как показывают результаты анализа постов в социальных сетях, отношение европейцев к беженцам весной 2015 г. было настороженно-негативным, но после публикации фотографии погибшего ребенка резко сменилось на положительно-сочувствующее [The iconic image on social media..., 2015: 11]. Соответственно эффект, произведенный этим снимком, следует отделять от более ранних призывов, рассматривая его как самостоятельную попытку секьюритизации, а не кульминацию длительного процесса. На наличие двух разных попыток секьюритизации указывает также различие в их инструментарии.

Публикация фотографии Айлана Курди является примером неклассического варианта секьюритизации, происшедшего «снизу», когда политические элиты выступили в роли не актора, а аудитории. Интересной также представляется роль европейской общественности. С одной стороны, она была аудиторией, так как изображение воздействовало в первую очередь на нее, но в то же время она выступала в качестве актора, помогая распространять снимок, а также оказывая давление на национальные правительства. О высокой роли обычных пользователей и рядовых активистов в процессе распространения фотографии может свидетельствовать, например, создание огромного «кластера мемов», проанализированного Т. Олесеном в его статье [Olesen, 2018: 662–669]. При этом как для элиты, так и для общественности гибель мальчика-мигранта не символизировала непосредственную угрозу, фотография апеллировала именно к состраданию, а не страху.

Таким образом, элементы классического понимания теории секьюритизации остаются, но принимают другие формы: общество становится актором, элиты — аудиторией, а референтный объект

---

⁸ Traynor I. Pope Francis attacks EU over treatment of immigrants // The Guardian. 24.11.2014. Available at: <https://www.theguardian.com/world/2014/nov/25/pope-francis-elderly-eu-lost-bearings> (accessed: 05.11.2023).

не связан напрямую ни с теми, ни с другими. Распространяя фотографию погибшего ребенка, общество секьюритизировало миграционную политику элит, в результате которой гибли невинные люди. Необходимость принятия экстраординарных мер по изменению миграционной политики диктовалась в данном случае не чувством страха, а чувством сострадания. Происходила не столько секьюритизация, сколько «симпатизация». Благодаря такой эмоциональной вовлеченности общественность смогла представить себя на месте страдавших мигрантов, а миграционную политику ЕС — как угрозу для себя и требовать ее изменения или самостоятельно участвовать в различных организациях, помогавших мигрантам.

Кейс Айлана Курди заслуживает более внимательного изучения, но в контексте данной работы показывает, как визуальное измерение способно расширить возможности секьюритизации, позволив ей принимать разнообразные формы, меняя роли акторов и аудитории.

Ограничения визуальной секьюритизации

Перечисляя преимущества визуального поворота в исследованиях безопасности, следует также обозначить и некоторые его ограничения. Они, как и преимущества, определяются свойствами изображения. В первую очередь речь идет о «двусмысленности» (*ambiguity*) визуального образа [Hansen, 2011: 58]. В отличие от текста или устной речи, изображение дает гораздо больший простор для интерпретации, что может негативно сказаться на его возможности передать аудитории конкретное сообщение. Как уже было отмечено, одно изображение способно вызвать целый спектр разных эмоций, что является преимуществом в контексте привлечения внимания к проблеме, однако может сместить акцент с изначально предусматриваемого автором смысла. Неоднозначность трактовки ограничивает возможность применения визуального образа в качестве самостоятельного инструмента секьюритизации. Для эффективного использования изображения его необходимо поместить в контекст. Даже если оно уже было политизировано, превращено в символ, ему часто требуются уточнения, привязка к конкретной проблеме [Vuori, 2010: 260]. Так, в случае с фотографией Айлана Курди само по себе изображение мертвого ребенка символизировало угрозу будущему, несправедливость по отношению к невинным [Adler-Nissen et al., 2020]. Однако важным в успехе секьюритизации было то, что аудито-

рия знала имя мальчика, обстоятельства его смерти. Это позволило связать эмоции, вызванные гибелью ребенка, с проблемой миграционного кризиса. Учитывая, что как политизация изображения, так и его помещение в контекст происходит с помощью языковых инструментов, нельзя говорить о том, что изображение полностью вытесняет речевой акт в концепте секьюритизации. В кейсе Айлана Курди именно изображение стало инструментом секьюритизации, в то время как язык использовался в качестве вспомогательного (пусть и необходимого) средства.

Еще одним ограничением визуальной секьюритизации является утрата былого доверия к фотографии и видео как к «надежным свидетелям». По мере распространения практики использования видеомонтажа, отредактированных фотографий, постановочных снимков и применения полученных фейков в информационной войне (яркий пример — «инцидент в Буче» [Манойло, 2022]) изображения, содержащие шокирующие сюжеты, всё чаще могут подвергаться сомнению. Тем не менее, как уже было отмечено, визуальные образы способны производить эффект раньше, чем мы начинаем в них вглядываться и задумываться об их смысле, так что способностью привлечь наше внимание обладают также и картинки, в которые мы в итоге не поверим.

Поиск примеров неудачной визуальной секьюритизации осложняется тем, что зачастую о них мало что известно. Иными словами, по причине отсутствия «рабочего» контекста или определенного стечения обстоятельств те или иные изображения затерялись среди множества других, не дошли до своей аудитории. При этом существуют примеры того, что изображение «не работает» или «работает плохо», т.е. становится известным широкой общественности, но не вызывает необходимого резонанса и не меняет реальность так, как хотелось бы актору. Например, на следующий год после публикации фотографии Айлана Курди интернет облетело фото 5-летнего Омрана Дакниша, пострадавшего в результате бомбардировок Алеппо. Его изображение попытались использовать в целях представления Б. Асада в качестве угрозы мирному населению. Этот снимок, однако, произвел гораздо меньший эффект, чем фотография Айлана Курди. Причины этого заслуживают отдельного исследования, но среди них явно присутствовали обозначенные выше ограничения: сомнения в подлинности фотографий (китайские и российские

СМИ объявили их постановочными⁹), спорный контекст (позже выяснилось, что мальчик жив и здоров, а его семья поддерживает сирийское правительство¹⁰). Позиция семьи Омрана Дакниша также иллюстрирует тот факт, что описанный кейс не был актом «народной секьюритизации». Скорее это была попытка со стороны политических элит «мимикрировать» под «народную секьюритизацию», вероятно, навеянная недавним успехом кейса Айлана Курди. В некоторой степени «фигура» актора секьюритизации является частью контекста. Независимый журналист и семья пострадавшего вызовут больше доверия, чем крупные СМИ или политические организации.

* * *

Таким образом, одним из следствий визуального поворота в исследованиях в области безопасности становится усиление внимания к изучению роли широкой общественности в процессе секьюритизации и к демократизации самого этого процесса, так как для производства и распространения фотографий в социальных сетях не требуется наличие авторитета или доступа к особым ресурсам. Визуальный поворот объясняет возможность «секьюритизации снизу», или «народной секьюритизации», ставящей под сомнение монополию политических элит на формирование нарративов в области безопасности. Кроме того, изображение, зачастую апеллируя к чувству сострадания, позволяет секьюритизировать объекты, не представляющие непосредственной угрозы для аудитории. Список возможных объектов секьюритизации, таким образом, дополняется угрозами для других сообществ, которые становятся небезразличны аудитории.

Главным ограничением визуальной секьюритизации является слабая контекстуальная автономность изображения, препятствующая передаче недвусмысленного посыла. Визуальный образ эффек-

---

⁹ Dearden L. Omran Daqneesh: China state media calls harrowing images of injured Syrian boy 'part of Western propaganda war' // Independent. 23.08.2016. Available at: <https://www.independent.co.uk/news/world/middle-east/omran-daqneesh-photo-video-aleppo-boy-syria-injured-china-state-media-western-propaganda-war-a7205296.html> (accessed: 05.11.2023).

¹⁰ Aleppo's 'boy in the ambulance', Omran Daqneesh, safe and well in newly emerged footage // Independent. 06.06.2017. Available at: <https://www.independent.co.uk/news/world/middle-east/aleppo-omran-daqneesh-new-photos-syria-syrian-civil-war-white-helmets-bashar-al-assad-a7776026.html> (accessed: 05.11.2023).

тивно работает, будучи помещенным в конкретный символический контекст, однако этого можно достичь только за счет использования лингвистических средств. Таким образом, изображение способно заменить речевой акт в качестве основного инструмента секьюритизации, но вместе с тем нуждается в речевом акте, играющем, правда, только вспомогательную роль.

Значение контекста при этом оказывается в определенной степени решающим. Именно он определяет в конечном счете, является ли попытка секьюритизации по-настоящему «народной», заслуживает ли изображение доверия, какой посыл оно несет. В век информационных войн, фейков и перенасыщения информационного пространства создание контекста и управление им будут определять успех секьюритизации.

Демократизация инструментов секьюритизации создает конкуренцию между «производителями» общественных страхов и тревог. Результатом такой конкуренции, скорее всего, станет фрагментация аудитории на отдельные сегменты, одни из которых будут больше доверять «народной», другие — «официальной» секьюритизации. В результате для сохранения своей эффективности секьюритизация, как и политическая реклама, должна будет становиться всё более адресной, что может быть вполне осуществимо с использованием технологий искусственного интеллекта и социальных сетей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Беззубова О.В. Понятие «поворота» в современных исследованиях визуальной культуры // Альманах современной науки и образования. 2016. № 4 (106). С. 14–17.

2. Гайдаев О.С. Теория секьюритизации, или хорошо забытое старое: к вопросу о теоретико-философских истоках и зарождении теории // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 1. С. 20–32. DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-1-20-32.

3. Манойло А.В. Информационные диверсии в конфликте на Украине // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2022. № 4. Доступ: <https://www.vestnik-mgou.ru/jour> (дата обращения: 05.11.2023).

4. Мирзоев Н. Как смотреть на мир. М.: Ад Маргинем Пресс; Музей современного искусства «Гараж», 2019.

5. Рорти Р. Философия и зеркало природы. Новосибирск: Издательство Новосибирского университета, 1997.

6. Сонтаг С. О фотографии. М.: Ад Маргинем Пресс, 2013.

7. Тамбовцева М.А. Теоретический подход Копенгагенской школы к обеспечению международной безопасности: основные положения теории секьюритизации // Манускрипт. 2017. № 9 (83). С. 185–187.

8. Adler-Nissen R., Andersen K.E., Hansen L. Images, emotions, and international politics: The death of Alan Kurdi // *Review of International Studies*. 2020. Vol. 46. No. 1. P. 75–95. DOI: 10.1017/S0260210519000317.

9. Austin J.L. How to do things with words: The William James lectures delivered at Harvard University in 1955. London: Oxford University Press, 1962.

10. Baele S.J., Bettiza G. 'Turning' everywhere in IR: On the sociological underpinnings of the field's proliferating turns // *International Theory*. 2021. Vol. 13. No. 2. P. 314–340. DOI: 10.1017/S1752971920000172.

11. Bleiker R., Campbell D., Hutchison E., Nicholson X. The visual dehumanisation of refugees // *Australian Journal of Political Science*. 2013. Vol. 48. No. 4. P. 398–416. DOI: 10.1080/10361146.2013.840769.

12. Bleiker R., Kay A. Representing HIV/AIDS in Africa: Pluralist photography and local empowerment // *International Studies Quarterly*. 2007. Vol. 51. No. 1. P. 139–163. DOI: 10.1111/j.1468-2478.2007.00443.x.

13. Buzan B., Wæver O., Wilde de J. *Security: A new framework for analysis*. Boulder: Lynne Rienner Publishers, 1998.

14. Callahan W.A. *Sensible politics: Visualizing international relations*. New York: Oxford University Press, 2020.

15. Campbell D. Geopolitics and visuality: Sighting the Darfur conflict // *Political Geography*. 2007. Vol. 26. No. 4. P. 357–382. DOI: 10.1016/j.polgeo.2006.11.005.

16. Elder Ch.D., Cobb R.W. *The political uses of symbols*. New York: Longman, 1983.

17. Grayson K., Mawdsley J. Scopic regimes and the visual turn in international relations: Seeing world politics through the drone // *European Journal of International Relations*. 2018. Vol. 25. No. 2. P. 431–457. DOI: 10.1177/1354066118781955.

18. Hansen L. Theorizing the image for security studies: Visual securitization and the Muhammad cartoon crisis // *European Journal of International Relations*. 2011. Vol. 17. No. 1. P. 51–74. DOI: 10.1177/1354066110388593.

19. Hintjens H. Failed securitisation moves during the 2015 'migration crisis' // *International Migration*. 2019. Vol. 57. No. 2. P. 181–196. DOI: 10.1111/imig.12588.

20. Hutchison E., Bleiker R. Emotions, discourse and power in world politics // *International Studies Review*. 2017. Vol. 19. No. 3. P. 501–508.

21. *The iconic image on social media: A rapid research response to the death of Aylan Kurdi* / Ed. by F. Vis, O. Goriunova. Barcelona: Visual Social Media Lab, 2015.

22. McDonald M. Securitization and the construction of security // *European Journal of International Relations*. 2008. Vol. 14. No. 4. P. 563–587. DOI: 10.1177/1354066108097553.

23. Mirzoeff N. An introduction to visual culture. London; New York: Routledge, 2008.

24. Mitchel L. The visual turn in political anthropology and the mediation of political practice in contemporary India // *South Asia: Journal of South Asian Studies*. 2014. Vol. 37. No. 3. P. 515–540. DOI: 10.1080/00856401.2014.937372.

25. Mitchell W.J.T. Picture theory: Essays on verbal and visual representation. Chicago; London: University of Chicago Press, 1994.

26. Möller F. Photographic interventions in post-9/11 security policy // *Security Dialogue*. 2007. Vol. 38. No. 2. P. 179–196. DOI: 10.1177/0967010607078549.

27. *Observant sates: Geopolitics and visual culture* / Ed. by F. MacDonald, R. Hughes, K. Dodds. London; New York: I.B. Tauris, 2010.

28. Olesen T. Memetic protest and the dramatic diffusion of Alan Kurdi // *Media, Culture & Society*. 2018. Vol. 40. No. 5. P. 656–672. DOI: 10.1177/0163443717729212.

29. Ó Tuathail G. Critical geopolitics: The politics of writing global space. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1996.

30. Pfonner M.R., James P. The visual international relations project // *International Studies Review*. 2019. Vol. 22. No. 2. P. 192–213. DOI: 10.1093/isr/viaa014.

31. Philpott S. Is anyone watching? War, cinema and bearing witness // *Cambridge Review of International Affairs*. 2010. Vol. 23. No. 2. P. 325–348. DOI: 10.1080/09557571003735378.

32. Shapiro M.J. The politics of representation: Writing practices in biography, photography and policy analysis. Madison: University of Wisconsin Press, 1988.

33. Taylor J. Body horror: Photojournalism, catastrophe and war. Manchester; New York: Manchester University Press, 1998.

34. Trachtenberg A. Reading American photographs: Images as history, Matthew Brady to Walker Evans. New York: Hill and Wang, 1989.

35. *Visual global politics* / Ed. by R. Bleiker. London; New York: Routledge, 2018.

36. Vuori J.A. A timely prophet? The doomsday clock as a visualization of securitization moves with a global referent object // *Security Dialogue*. 2010. Vol. 41. No. 3. P. 255–277. DOI: 10.1177/0967010610370225.

37. Williams M.C. Words, images, enemies: Securitization and international politics // *International Studies Quarterly*. 2003. Vol. 47. No. 4. P. 511–531. DOI: 10.1046/j.0020-8833.2003.00277.x.

38. Wilson K. 'Race', gender and neoliberalism: Changing visual representations in development // *Third World Quarterly*. 2011. Vol. 32. No. 2. P. 315–331. DOI: 10.1080/01436597.2011.560471.

39. Wright K.A.M., Rosamond A.B. NATO's strategic narratives: Angelina Jolie and the alliance's celebrity and visual turn // *Review of International Studies*. 2021. Vol. 47. No. 4. P. 443–466. DOI: 10.1017/S0260210521000188.

REFERENCES

1. Bezzubova O.V. 2016. Ponyatie 'povorota' v sovremennykh issledovaniyakh vizual'noi kul'tury [Notion of 'turn' in contemporary studies of visual culture]. *Al'manakh sovremennoi nauki i obrazovaniya*, no. 4 (106), pp. 14–17. (In Russ.)
2. Gaidaev O.S. 2021. Teoriya sek'yuritizatsii, ili khorosho zabytoe staroe: k voprosu o teoretiko-filosofskikh istokakh i zarozhdenii teorii [Securitization theory or a well overlooked old: On the philosophical and theoretical premises and origins of the theory]. *Vestnik RUDN. International Relations*, vol. 21, no. 1, pp. 20–32. DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-1-20-32. (In Russ.)
3. Manoilo A.V. 2022. Informatsionnye diversii v konflikte na Ukraine [Information sabotage in the conflict in Ukraine]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (electronic journal)*, no. 4. Available at: <https://www.evestnik-mgou.ru/jour> (accessed: 05.11.2023). (In Russ.)
4. Mirzoeff N. 2016. *How to see the world: An introduction to images, from self-portraits to selfies, maps to movies, and more*. New York, Basic Books [Russ. ed.: Mirzoev N. 2019. *Kak smotret' na mir*. Moscow, Ad Marginem Press, Muzei sovremennogo iskusstva 'Garazh' Publ.].
5. Rorty R. 1979. *Philosophy and the mirror of nature*. Princeton, Princeton University Press [Russ. ed.: Rorti R. 1997. *Filosofiya i zerkalo prirody*. Novosibirsk, Izdatel'stvo Novosibirskogo universiteta Publ.].
6. Sontag S. 1977. *On photography*. New York, Farrar, Straus and Giroux [Russ. ed.: Sontag S. 2013. *O fotografii*. Moscow, Ad Marginem Press Publ.].
7. Tambovtseva M.A. 2017. Teoreticheskii podkhod Kopengagenskoi shkoly k obespecheniyu mezhdunarodnoi bezopasnosti: osnovnye polozheniya teorii sek'yuritizatsii [Theoretical approach of Copenhagen school to ensuring international security: The basic provisions of securitization theory]. *Manuskript*, no. 9 (83), pp. 185–187. (In Russ.)
8. Adler-Nissen R., Andersen K.E., Hansen L. 2020. Images, emotions, and international politics: The death of Alan Kurdi. *Review of International Studies*, vol. 46, no. 1, pp. 75–95. DOI: 10.1017/S0260210519000317.
9. Austin J.L. 1962. *How to do things with words: The William James lectures delivered at Harvard University in 1955*. London, Oxford University Press.
10. Baele S.J., Bettiza G. 2021. 'Turning' everywhere in IR: On the sociological underpinnings of the field's proliferating turns. *International Theory*, vol. 13, no. 2, pp. 314–340. DOI: 10.1017/S1752971920000172.
11. Bleiker R., Campbell D., Hutchison E., Nicholson X. 2013. The visual dehumanisation of refugees. *Australian Journal of Political Science*, vol. 48, no. 4, pp. 398–416. DOI: 10.1080/10361146.2013.840769.
12. Bleiker R., Kay A. 2007. Representing HIV/AIDS in Africa: Pluralist photography and local empowerment. *International Studies Quarterly*, vol. 51, no. 1, pp. 139–163. DOI: 10.1111/j.1468-2478.2007.00443.x.

13. Buzan B., Wæver O., Wilde de J. 1998. *Security: A new framework for analysis*. Boulder, Lynne Rienner Publishers.

14. Callahan W.A. 2020. *Sensible politics: Visualizing international relations*. New York, Oxford University Press.

15. Campbell D. 2007. Geopolitics and visibility: Sighting the Darfur conflict. *Political Geography*, vol. 26, no. 4, pp. 357–382. DOI: 10.1016/j.polgeo.2006.11.005.

16. Elder Ch.D., Cobb R.W. 1983. *The political uses of symbols*. New York, Longman.

17. Grayson K., Mawdsley J. 2018. Scopic regimes and the visual turn in international relations: Seeing world politics through the drone. *European Journal of International Relations*, vol. 25, no. 2, pp. 431–457. DOI: 10.1177/1354066118781955.

18. Hansen L. 2011. Theorizing the image for security studies: Visual securitization and the Muhammad cartoon crisis. *European Journal of International Relations*, vol. 17, no. 1, pp. 51–74. DOI: 10.1177/1354066110388593.

19. Hintjens H. 2019. Failed securitisation moves during the 2015 ‘migration crisis’. *International Migration*, vol. 57, no. 2, pp. 181–196. DOI: 10.1111/imig.12588.

20. Hutchison E., Bleiker R. 2017. Emotions, discourse and power in world politics. *International Studies Review*, vol. 19, no. 3, pp. 501–508.

21. Vis F., Goriunova O. (eds.). 2015. *The iconic image on social media: A rapid research response to the death of Aylan Kurdi*. Barcelona, Visual Social Media Lab.

22. McDonald M. 2008. Securitization and the construction of security. *European Journal of International Relations*, vol. 14, no. 4, pp. 563–587. DOI: 10.1177/1354066108097553.

23. Mirzoeff N. 2008. *An introduction to visual culture*. London, New York, Routledge.

24. Mitchel L. 2014. The visual turn in political anthropology and the mediation of political practice in contemporary India. *South Asia: Journal of South Asian Studies*, vol. 37, no. 3, pp. 515–540. DOI: 10.1080/00856401.2014.937372.

25. Mitchell W.J.T. 1994. *Picture theory: Essays on verbal and visual representation*. Chicago, London, University of Chicago Press.

26. Möller F. 2007. Photographic interventions in post-9/11 security policy. *Security Dialogue*, vol. 38, no. 2, pp. 179–196. DOI: 10.1177/0967010607078549.

27. MacDonald F., Hughes R., Dodds K. (eds.). 2010. *Observant sates: Geopolitics and visual culture*. London, New York, I.B. Tauris.

28. Olesen T. 2018. Memetic protest and the dramatic diffusion of Alan Kurdi. *Media, Culture & Society*, vol. 40, no. 5, pp. 656–672. DOI: 10.1177/0163443717729212.

29. Ó Tuathail G. 1996. *Critical geopolitics: The politics of writing global space*. Minneapolis, University of Minnesota Press.

30. Pfonner M.R., James P. 2019. The visual international relations project. *International Studies Review*, vol. 22, no. 2, pp. 192–213. DOI: 10.1093/isr/viaa014.

31. Philpott S. 2010. Is anyone watching? War, cinema and bearing witness. *Cambridge Review of International Affairs*, vol. 23, no. 2, pp. 325–348. DOI: 10.1080/09557571003735378.

32. Shapiro M.J. 1988. *The politics of representation: Writing practices in biography, photography and policy analysis*. Madison, University of Wisconsin Press.

33. Taylor J. 1998. *Body horror: Photojournalism, catastrophe and war*. Manchester, New York, Manchester University Press.

34. Trachtenberg A. 1989. *Reading American photographs: Images as history, Matthew Brady to Walker Evans*. New York, Hill and Wang.

35. Bleiker R. (ed.). 2018. *Visual global politics*. London, New York, Routledge.

36. Vuori J.A. 2010. A timely prophet? The doomsday clock as a visualization of securitization moves with a global referent object. *Security Dialogue*, vol. 41, no. 3, pp. 255–277. DOI: 10.1177/0967010610370225.

37. Williams M.C. 2003. Words, images, enemies: Securitization and international politics. *International Studies Quarterly*, vol. 47, no. 4, pp. 511–531. DOI: 10.1046/j.0020-8833.2003.00277.x.

38. Wilson K. 2011. 'Race', gender and neoliberalism: Changing visual representations in development. *Third World Quarterly*, vol. 32, no. 2, pp. 315–331. DOI: 10.1080/01436597.2011.560471.

39. Wright K.A.M., Rosamond A.B. 2021. NATO's strategic narratives: Angelina Jolie and the alliance's celebrity and visual turn. *Review of International Studies*, vol. 47, no. 4, pp. 443–466. DOI: 10.1017/S0260210521000188.

Статья поступила в редакцию 06.06.2023; одобрена после рецензирования 11.09.2023; принята к публикации 27.01.2024

The paper was submitted 06.06.2023; approved after reviewing 11.09.2023; accepted for publication 27.01.2024